

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

И. Н. ЛОПУШАНСКИЙ

**РАДИКАЛИЗМ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Учебное пособие для магистратуры

Санкт-Петербург
2016

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

И. Н. ЛОПУШАНСКИЙ

РАДИКАЛИЗМ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Учебное пособие для магистратуры

2-е изд., перераб. и доп.

Санкт-Петербург
2016

УДК 32(075)
ББК 66.0я73
Л77

Рецензенты

В. С. ИЗМОЗИК, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. Н. А. Бонч-Бруевича, доктор исторических наук, профессор.

В. В. БАЛАХОНСКИЙ, профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор.

Лопушанский, И. Н.

Л77 Радикализм: теория и практика : учебное пособие для магистратуры / И. Н. Лопушанский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 48 с.

Учебное пособие посвящено анализу радикализма как основной содержательной составляющей изменений в обществе. Во второе издание внесены изменения и дополнения, связанные с новыми угрозами экстремистов и террористов, принятием новых и совершенствованием действующих правовых документов, рассмотрены экономические основания экстремизма и терроризма.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по программе магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

УДК 32(075)
ББК 66.0я73

© Санкт-Петербургский
юридический институт
(филиал) Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Обновленная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, обращает внимание на усиление нестабильности в мире, вызывающей увеличение внешних и внутренних угроз нашей Родине.

Резкое повышение активности современных радикалов, прибегающих к экстремистским и террористическим действиям, вызывает потребность в глубоком криминологическом анализе причин этих опасных явлений. На это нацеливают приказы Генерального прокурора Российской Федерации об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства по указанным направлениям¹. В связи с этим возникла необходимость изучения спецкурса «Радикализм: теория и практика». Убийства по политическим мотивам, выступления относительно небольших молодежных групп, в частности националистов, поклонников нацизма, требуют соответствующей реакции политиков и правоохранительных органов. Попробуем выяснить, что придает экстремистской и террористической деятельности целенаправленный характер, т. е. лежит в основе той идеологии, которая подталкивает к действиям подобного рода.

Изучение спецкурса — это изучение тех действий, которые осуществляют радикалы и которые нередко носят противозаконный характер, в частности являются экстремистскими, террористическими.

Хотя радикализм — распространенное явление, его изучение, как правило, не было целостным. Исследователи чаще рассматривали отдельные аспекты радикализма, что выглядело стремлением решать актуальные проблемы, но на деле нередко являлось угодой конъюнктуре (например, революционаризм советской

¹ См., напр.: приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 22.10.2009 № 339 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму»; от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности»; от 19.01.2010 № 11 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и др.

эпохи и, напротив, подчеркнутое стремление преодолеть радикализм вообще в постсоветский период). Так, со временем сложились основные направления исследований, часть из которых устарела, поскольку касалась частных целей, оставшиеся — сохранились до сегодняшнего дня. Это в первую очередь исследования революций и реформ, т. е. коренных изменений, либо приводящих к изменению политического, экономического, социального строя, либо вносящих коренные изменения в существующий строй. Это направление разветвляется в зависимости от форм достижения власти, способов дестабилизации существующей власти, методов рекрутизации сторонников и устрашения противников, образуя другие направления исследований. Кроме того, изучаются радикальные политические идеологии, иногда сводящиеся к традиционному условному делению на «левых» и «правых», но всегда требующие многофакторного анализа их социальной, национальной, религиозной, культурологической, экологической природы. Исследования современных правоведов также можно отнести к особому направлению: криминологические исследования экстремистских действий как крайних проявлений радикализма, носящих преступный характер по отношению к обществу, государству и личности. Особую опасность представляют террористические методы, соответственно, привлекающие наибольшее внимание отечественных и зарубежных юристов.

Радикализм — это явление, встречающееся практически во все периоды истории человечества, так же как и другие действия, которые приводили только к переворотам и восстаниям, не менявшим в сущности образа жизни и формы правления.

Именно стремление к смене модели действий власти (при условии ее захвата каким-либо путем) и служит основанием для радикального проекта. Поэтому задача нашего спецкурса — анализ цепочки «радикализм — экстремизм — терроризм», каждое из звеньев которой имеет свое ядро, являющееся важнейшей составляющей растущей напряженности, подрывающей нормальное течение событий и безопасность граждан. Цель спецкурса также — дать представление о концепциях преобразований как в масштабах всего общества, так и частичных перемен, т. е. необходимо выявить соотношение революционной и эволюционной форм осуществления радикальных преобразований.

История России также богата радикальными изменениями. Уже в период зарождения нашего государства киевский князь Владимир осуществил реформы верований славян, направленные на введение монотеизма как способа укрепления личной власти

самого правителя и заключавшиеся вначале в смене политеистического пантеона славянских богов на культ верховного бога Перуна (вероятно, к этому подталкивало скандинавское происхождение как русских князей, так и части дружины, верования которых основывались на культе бога Одина), а через относительно короткое время в христианизации сначала дружины, а затем и всего населения по византийскому обряду. Этот радикальный шаг князя Владимира привел к изменению отношений с самым богатым европейским государством того времени — Византией. Была использована византийская модель правления и культуры, религиозно-идеологического закрепления государственности.

Проявлениями радикализма в российской истории можно считать изменения времен монголо-татарского нашествия и становления Московского государства при Иване III и Иване IV, заключавшиеся в сокрушении удельных княжеств и централизации власти, ограничении привилегий боярства и возвышении дворянства (сословная монархия сменялась абсолютной), коренные преобразования Петра Великого и Екатерины II, имевшие характер догоняющей (по отношению к ряду передовых стран Европы) модернизации, реформы Александра II, выведившие страну на рубеж конституционной монархии, частично реализованные проекты С. Ю. Витте и П. А. Столыпина на рубеже XIX—XX вв. Однако реформы не меняли существенно характер строя, поэтому возникали планы более быстрого движения к республике — путем революции. Поскольку большинство населения еще не исповедовало идей радикального меньшинства, для осуществления революционного проекта требовался захват власти, который в условиях абсолютной монархии осуществляется вооруженным путем (так происходило в Англии XVII в., во Франции XVIII в., Германии и Австро-Венгрии XX в.). Но захват власти считать революцией еще нельзя, только характер последующих преобразований дает такую возможность. Так, можно говорить о революции 1905 года в России как о шаге к конституционной монархии, о февральской революции 1917 года как о реализации идеи республики (возможно, буржуазной, хотя состав будущего Учредительного собрания позволял создать правящую коалицию социалистических партий, что не было реализовано по ряду причин, и прежде всего по причине захвата власти в стране большевиками в октябре того же года).

Даже в условиях осуществления советской власти мы видим периоды радикальных перемен — переход от политики военного коммунизма к нэпу (новой экономической политике, осуществлявшейся с 1921 года по предложению В. И. Ленина), от нэпа к модернизации,

начатой правившей компартией во главе с И. В. Сталиным (1929 год считается годом «великого перелома», когда произошел отход от прежней политики поощрения активной производственной деятельности, основанной на эксплуатации наемных рабочих и батраков в городе и на селе, к государственной в основном экономике); одним из оснований модернизации был социальный протест участников революции и гражданской войны против искажения нэпом марксистского радикального проекта.

Существенные радикальные изменения происходили в нашей стране в 1960-е гг. в период хрущевской «оттепели» (реформы) и в 1980—1990-е гг. в период горбачевской перестройки, когда демократизация привела не только к крушению тоталитаризма (провозглашаемая цель), но и к сепаратизму и национализму (латентные следствия демократизации), ставшим причинами распада Советского Союза (но по уже существовавшим границам национальных республик) — возможно, главным основанием распада нашей страны, как и Югославии, и Чехословакии, стало применение национально-территориального принципа при формировании федеративного государства. При давлении прежнего режима на политическую верхушку республик такие явления были невозможны, но в условиях гласности, выборов новых альтернативных вождей, «оседлавших» лозунги национальной культуры и сепаратизма, иллюзии того, что отделение от «голодной» России принесет экономическое благополучие населению Прибалтики, Закавказья, Украины, захватили и русскоязычное население, проголосовавшее на республиканских референдумах за отделение. Смена политических элит уже в 1992 году привела к существенным переменам в экономике — либерализации цен, первому шагу к рыночным отношениям и одновременно к обвальной, невиданной инфляции. Затем уже последовала приватизация, создавшая основу социального расслоения, нелегитимного в глазах значительной части населения, менталитет которого складывался к тому же в советский период при враждебном отношении к частной собственности (первоначальное накопление капитала произошло в чрезвычайно короткие сроки и сочетало как законные, так и криминальные способы). Эти обстоятельства по сегодняшний день создают предпосылки противостояния власти. Новый политический, экономический, социальный строй у нас и в Восточной Европе — это уже революция (или контрреволюция, если отталкиваться от событий 1917 года).

1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАДИКАЛИЗМА

Хотя радикальные идеи и действия существуют издревле, термин «радикализм» появляется в Англии в конце XVIII в. и охватывает как философию (И. Бентам) и религию, так и политику, как идеи, так и методы. Понятия «радикализм», «экстремизм» возникли гораздо позднее, чем сами эти явления, появившиеся вместе с борьбой за власть или против существующей власти. М. Ньюманн, канадский исследователь радикализма, обнаружил его первое словарное разъяснение в Кратком оксфордском словаре 1802 года², следовательно, употреблять термин стали много раньше. На наш взгляд, впервые его использовал И. Бентам применительно к новому направлению философии, затем понятие распространилось на политические, религиозные, культурные течения, закрепившись в XIX в. за социальными и политическими взглядами и идеологиями.

Современные исследователи хотя и не выработали единого определения этого термина, все же в основном сходятся: радикализм — это решительное осуществление намерений в том или ином деле, совокупность социально-политических идей и действий, направленных на коренное (от латинского *radix* — корень или позднелатинского *radicalis* — коренной, корневой) изменение основных общественных институтов или политической системы в целом. Этот этимологический подход в советском обществоведении дополнялся идеологизированным, при котором радикализм рассматривался как протестное по отношению к порокам капитализма идейно-политическое течение. Вряд ли можно согласиться с такой постановкой вопроса, ведь радикализм как явление старше определения и не связан лишь с капитализмом. К тому же радикализм может быть характеристикой как оппозиции, так и правителя, иметь прогрессивные и консервативные, религиозные и националистические цели. Нельзя согласиться с такими характеристиками радикализма, приводимыми некоторыми исследователями, как темп

² Neumann M. What's Left?: radical politics and the radical psyche. Peterborough (Canada) ; Lewiston (N.Y.), 1988. 230 p. Первое определение было таково: «радикал» — защитник «радикальных реформ; тот, кто обладает наиболее продвинутыми взглядами на политическую реформу в демократическом направлении, а также принадлежит к крайней секции либеральной партии». Итак, идеология и политическая практика (по крайней мере, принадлежность к организации) присутствуют уже в первом отраженном в словаре представлении о радикализме.

и вектор направленности изменений, поскольку главное — в сущности радикальных идей и преобразований.

В радикализме есть место и умеренности (как, например, в утилитаризме Бентама — проекте «системы счастья максимально большого количества людей», опиравшемся на совершенствование законодательства, или деятельности Радикальной партии Франции), и экстремизму, и терроризму, т. е. это широкое явление, и насилие не является его специфическим признаком. Однако радикализм, если использовать психологический подход, отражает темперамент и предрасположенность лидеров и их партий и движений действовать в соответствии с поставленной целью, не идя на компромиссы. При этом насилие или угроза насилием не исключаются.

Спорным является стремление некоторых авторов представить радикализм как метод осуществления политики, лишь средство и инструмент³. Налицо разрыв цепочки «радикализм — экстремизм — терроризм», в которой каждой составляющей есть свое место «цель — идея — форма действия — метод действия». Получается, что радикализм свойственен не только радикалам, но тогда, кто же они? При этом противоположный вариант возможен, и довольно часто радикалы (по цели) используют не радикальные средства.

Радикализм не носит однозначно позитивного или негативного смысла, все зависит от конкретных условий постановки и реализации целей. Ситуации, возникающие в политическом процессе, нередко вынуждают субъектов политики прибегать к решительным шагам, но являются ли эти шаги радикальными, зависит от цели субъектов, а не от степени решительности, как это кажется некоторым авторам. Не зависит это и от степени обездоленности, ибо радикальные идеи отражают не столько стремление к справедливому переделу собственности, власти, доступа к ресурсам и т. п., сколько желание установить прочный порядок. В этом состоит отличие подавляющего большинства восстаний прошлого от революций XVII—XX вв.

Происхождение государственной власти было и остается предметом дискуссии ученых. У богословов и материалистов, Макиавелли и Гроция, Гегеля и Энгельса, Бакунина и Вебера, Чичерина и Франка, взгляды на корни власти и механизм ее осуществления различны, но всегда связаны с современными для авторов концепциями функциями государства. За исключением ряда теологических моделей власти, утверждающих одновременность

³ Neumann M. Op. cit. P. 8.

возникновения общества и государства, эти концепции вне зависимости от идеалистических или материалистических оснований утверждают первичность общества по отношению к государству и формам правления в государстве.

Различия выражаются в определении места государства по отношению к обществу: консервативный взгляд исходит из необходимости руководства и управления обществом «органом планомерной общественной воли» (Л. Франк) — государственной властью, когда индивидуальная свобода и гражданское общество допускаются, но их необходимо свети к минимуму; либеральный — из того, что государство должно решать лишь задачи сохранения порядка и безопасности во внутренней жизни общества и защиты от внешней угрозы, при этом общество выглядит суммой атомизированных индивидов, а не системным единством. Многообразие форм государственного правления может усиливать или ослаблять эти различия в позитивном и негативном взгляде на государство, однако это ничуть не умаляет универсальных целей государства, как и целей общества вообще.

Отечественная традиция связана с консервативными представлениями о роли государства, но на протяжении уже нескольких столетий искаженными идеями и практикой радикализма. Это не значит, что Запад (Европа, США) или Восток (вне России) не испытали радикальных тенденций. Но на Западе процесс модернизации носил органический характер, и политический радикализм при осуществлении этого процесса приобретал преимущественно либеральный оттенок, что не исключало экстремистской рефлексии, связанной с темпами и содержанием перемен и внешнеполитическими обстоятельствами. На Востоке (Япония, государства Юго-Восточной Азии, Китай без Мао Цзэдуна) модернизация носила догоняющий характер, но с учетом многовековых традиций, более действенных для менталитета населения, радикализм получил технологический, а не социально-политический уклон.

Одним из первых примеров искажения формы российской государственной власти под воздействием радикализма являются реформы Петра I, получившие неоднозначную оценку историков, в том числе и его современников. Восприняв европейский военный, административный и технологический опыт и стиль жизни, царь усилил абсолютистские и крепостнические тенденции. Реформы Петра III, Екатерины II, Павла I несколько смягчили их, но существенные изменения во власти произошли лишь в ходе революции 1905—1907 гг. Этот ради-

кализм хотя и был вынужденным, находился в русле неизбежных и ожидавшихся конституционных перемен. Мировая война приблизила революционное свержение самодержавия, однако этим развитие экстремизма не завершилось: октябрьский переворот 1917 года стал вершиной большевистского радикализма и сопровождался становлением новых форм государственной власти.

Во всемирной политической истории радикализм всегда был идеологическим основанием именно государственного переустройства, поскольку, только обладая властью в государстве, господствующая прослойка общества получала возможность завершить рождавшиеся в недрах этого общества социальные процессы. Так было при смене рабовладельческого строя феодальным, феодального — капиталистическим. К. Маркс и его последователи полагали и полагают, что на смену капитализму придет коммунизм. Особенностью взглядов этой радикальной группы можно считать признание преобладающей роли государства как выразителя интересов правящего класса, использующего этот механизм управления в первую очередь для подавления своих классовых оппонентов. Потому перспектива социального прогресса виделась в осуществлении идеи бесклассового общества и отмирания государства (правда, через переходный период, которому соответствовала еще более жесткая форма государства — диктатура пролетариата). Маркс не предполагал ее жесткой, поскольку видел будущие перемены в условиях развитого капитализма с преобладанием пролетариата в составе населения. Соответственно, это могла быть диктатура большинства, к тому же без внешних угроз, так как революция виделась ему в рамках большинства развитых стран одновременно. Реальность революций XX в. не оправдала предположений К. Маркса.

Подобные взгляды подвергались критике со стороны не только консерваторов, но и других радикальных течений — анархистов, требовавших полной отмены государства (М. Бакунин), реформистов, делавших ставку на радикальные перемены в рамках существующего политического строя (Э. Бернштейн, позднее партии Социалистического интернационала), конституционалистов, удовлетворявшихся даже формальным сохранением монархии, но при коренном изменении содержания (европейские монархии, Япония).

Только у марксистов и анархистов целью перемен становилась ликвидация государства. Но коммунистическое самоуправление и анархистские федерации ассоциаций производителей, на наш взгляд, не могут отменить функции принуждения, необходимость в которой возникает при нарушении каких-либо договорных обязательств.

Оригинальных взглядов на природу русского бунтарства и терроризма придерживалась плеяда российских мыслителей дореволюционного периода: Н. Бердяев, И. Ильин, В. Ключевский, Г. Федотов, Л. Франк и др.

Объяснение якобы присущего русским людям радикализма строится на нескольких факторах. Первый из них — географический. Напомним, что географическому фактору придавали большое значение такие отечественные исследователи, как М. М. Ковалевский, В. О. Ключевский, П. Н. Милуков, такие мыслители, как Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. Я. Чаадаев. Представляют интерес их следующие аргументы: положение и протяженность территории нашей страны являются существенным элементом политического величия и истинной причиной умственного бессилия россиян (П. Чаадаев); с одной стороны, наши предки были озабочены необходимостью выжить (И. Ильин), с другой — лесные и степные просторы создавали возможность решать конфликты особым способом, когда «организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением в разные стороны» (И. Ильин⁴), «переселенческим бродячеством, бывшим (наряду с колонизацией — И. Л.) основным фактом нашей истории» (В. Ключевский⁵); одним наблюдателям бескрайность русских земель казалась залогом побед наших предков (в конечном счете), другим — низкого уровня жизни населения из-за экстенсивности хозяйствования (климат также играл свою роль, сокращая до 130 дней время сельскохозяйственных работ в году — вдвое меньше, чем в Европе) и беспечности, безответственности из-за трудности управления (Н. Бердяев).

После длительного периода забвения влияние на историю развития России ее местоположения на евразийском континенте вновь стало рассматриваться всерьез.

Однако не стоит абсолютизировать географический фактор, как это сейчас нередко делается новым поколением российских геополитиков, поскольку взаимосвязь природы и политики все же косвенная, она приводит как к неумеренности, максимализму, нетерпимости, так и к апатии и фатализму, к тому же в современном мире возросли плотность и мобильность населения, информационная волна размывает традиционный

⁴ Ильин И. А. Возникновение и преодоление большевизма в России // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России : статьи, 1948—1954 гг. В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 244.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории : соч. В 9 т. М., 1987—1990. Т. 1. С. 85, 87.

менталитет, наконец, не только для России характерна бескрайность территории.

Второй фактор — генетический (шире — биосоциальный) связан с первым, поскольку врожденные предпочтения обуславливаются длительным пребыванием предков в определенной природной и общественной среде. Среди сторонников этого фактора обычно называют зарубежных физиологов, социологов, психологов — Ч. Ломброзо, К. Лоренц, Д. Армстронг и др. Этот ряд можно дополнить именами российских историков и философов, искавших традиционные отличительные черты русских в менталитете «от истории».

Социокультурный подход часто подталкивает исследователей к выводу о том, что радикализм может быть особой политико-культурной традицией общества, например российского, его доминирующей и постоянной характеристикой. Объективных аргументов для такого вывода маловато, зато ссылок на авторитетные мнения предостаточно⁶. При таком подходе политический радикализм в России признается, наряду с консерватизмом, традицией, обусловленной такими особенностями страны, как история становления государственности, место православия в обществе, географическое положение, русский национальный характер, правовой нигилизм и др. Соответственно, формировался особый тип духовного склада и поведения, психологии россиян.

Поскольку взаимодействия, отношения являются одной из доминирующих характеристик культуры, сторонники социокультурного подхода выделяют следующие основные группы отношений политического радикализма: 1) отношение субъектов политического процесса к существующим структурам и политической системе в целом характеризуется устойчиво негативным отношением к существующей системе, требует ее изменения или даже смены; 2) отношения между элементами политической системы (партиями власти и оппозиции, ветвями власти, СМИ и властными структурами и т. п.) отличаются слабой способностью к урегулированию существующих разногласий и конфликтов; 3) отношение властвующих субъектов к другим участникам политической жизни характеризуется приоритетом давления и насилия⁷.

⁶ См., напр.: Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи. (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи; Интеллигенция в России : сб. ст., 1909—1910 гг. М., 1991. С. 207—208 ; Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир, 1990. № 4. С. 221 и др.

⁷ Авцинова Г. И. Политический радикализм в России : социокультурный аспект. Киев, 1995. С. 38.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА РАДИКАЛОВ

Радикализм вряд ли дает основания для крайних методов осуществления радикальных целей. Сам термин, напомним, появился в конце XVIII века у И. Бентама и означал коренной переосмотр прежних взглядов. Это не означает, что радикальных взглядов и действий до того не было. Стремление к трансформации основ можно многократно иллюстрировать примерами как из области смены ключевых взглядов, так и действий в соответствии с новым (или старым, реставрируемым — вероятно, и это возможно) видением мира. Анализируя прошлое, оставаясь в настоящем или представляя будущее, мы видим, что подобное коренное преобразование предполагает не стихийный процесс, а заранее избранное направление движения. То есть радикальному действию (возможному, но необязательному) должна предшествовать радикальная идея.

Радикальные идеи в принципе противостоят консерватизму, а это означает, что направление ожидаемых перемен может быть как прогрессивным, так и регрессивным, реакционным. В оценках радикализма существует множество оттенков. Принятие политической властью этих идей в целом или частично может привести к реформам: либо «сверху», если радикальной была лишь малая часть общества, — в этом случае последствием часто является болезненная «ломка» устоев⁸; либо «сверху» и «снизу», если радикальными ожиданиями пронизана большая часть общества, — сопровождается более благоприятным восприятием перемен, правда, не означающим устойчивости и не гарантирующим отсутствия латентных последствий преобразований, серьезно искажающих как сам процесс, так и его оценку со стороны общества.

Попытки осуществить радикальные идеи, как правило, наталкивались на нежелание господствовавших групп общества идти на перемены, особенно если они в чем-то ущемляли их интересы, отменяли часть привилегий.

От античности до Нового времени радикалам приходилось прибегать к заговорам и восстаниям. Заговор представлял собой верхушечный переворот, исходом которого являлась смена правителя и его ближайшего окружения. Ему предшествовала тайная подготовка. Однако определенности в дальнейших радикальных переменах у заговорщиков не было: переворот мог

⁸ Возможно, этим во времена перестройки объяснялось настороженное, а порой и негативное отношение интеллигенции к реформам «сверху», что отмечал известный историк Н. Эйдельман.

сопровождаться ожидавшимися реформами, а мог завершиться лишь кадровыми изменениями (и так случалось чаще всего)⁹. Для восстания требовалось, чтобы радикальная идея охватила его участников (в целом или частично), поэтому в случае его успеха вождям приходилось осуществлять ряд требований восставших. Хотя восстания могли вспыхивать стихийно, их цели (часто деструктивные) были известны (в отличие от проектов заговоров). История России с древнейших времен богата народными восстаниями¹⁰.

Политическому действию предшествовала деятельность тайных обществ с радикальными программами: такими примерами изобилует история стран Запада и Востока. Так, с Нового времени и до современности известны тайные масонские ложи, при всем разнообразии программ отражавшие видение социальных проблем и перспектив их разрешения только со стороны привилегированных слоев общества. В отечественной истории со второй половины XVIII в. и до первой четверти XX в. также можно найти их следы (с точки зрения некоторых ученых очень заметные¹¹). Наиболее же известными (в связи с открытыми выступлениями против абсолютизма) стали тайные общества декабристов.

Легальные формы радикальной практики возникли лишь с появлением представительных учреждений, ограничивших власть монархов. Но значение в политической жизни они обрели только с расширением участия в выборах основной массы населения. Появился смысл в создании политических партий и движений в их современном значении. Первые легальные массовые партии появились в Великобритании и США. Первые же российские партии создавались нелегально: социал-демократы в 1898 году, социалисты-революционеры в 1902 году. Путь к созданию легальных партий был открыт царским манифестом 17 октября 1905 года, объявившим о свободе общественных объединений в связи с выборами в Государственную Думу. Однако, учитывая репрессивную политику самодержавия, и социал-демократы и эсеры сочетали легальный аппарат партий с нелегальным.

⁹ Исаков В. А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции, вторая пол. 1840-х—первая пол. 1880-х годов. М., 2004. 308 с.

¹⁰ Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России, XI—XVIII вв. М., 1986. 240 с. ; Фроянов И. Я. Древняя Русь : опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М. ; СПб., 1995. 703 с.

¹¹ См., напр.: Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. 350 с. ; Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). М., 1999. 172 с.

Таким образом, нелегальные организации и действия выглядят неизбежными при отсутствии массовых представительных органов в политической структуре общества. В современных условиях нелегальные формы деятельности имеют также ультрарадикальные партии и группы, что отражает их немногочисленность и неприятие их взглядов и действий основной массой населения (в России, например, скинхеды, Русское национальное единство, национал-большевики и т. п.).

Идеи далеко не всех радикальных групп могут быть в принципе восприняты большинством населения. Например, идеи малых народов Севера или малых народов Кавказа, вообще малочисленных групп населения, исповедующих ислам, буддизм, синтоизм и т. п., не могут стать преобладающими в России, где большинство составляет русское население (появилась и распространяется такая точка зрения, что СССР было многонациональным государством, а Российская Федерация по международным меркам моноэтнична — процент русского населения достигает 85, к тому же у нас моноконфессиональное общество — православное, мусульмане составляют лишь 10 % верующих, правда, при этом не учитываются атеисты, возможно, составляющие большинство).

3. РАДИКАЛИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ, ТЕРРОРИЗМ: ОТ ТЕОРИИ К МЕТОДАМ

Реформизм и экстремизм суть две стороны радикализма, а терроризм или революция являются методами, индивидуальными-групповыми или массовыми, осуществления экстремистских целей (терроризм может и не иметь идеологических целей, например если является актом мести, но и здесь возможны ценностные корни). В методах экстремизма отражается степень идеологического обоснования (например, бунт и революция) и «нетерпения» вождей и масс. Трудно согласиться с исследователями, дающими сравнительные характеристики одного уровня для понятий «радикал», «реформатор», «революционер», хотя такие критерии сравнения, как характер и вектор направленности недовольства, отношение к политическим изменениям, отношение к власти, форма политической деятельности, отношение к насилию, характер последствий воздействия на общество вполне применимы к политологиче-

скому анализу радикализма¹². На наш взгляд, экстремизм имеет преимущественно идеологические корни: крайние радикальные взгляды приводят к экстремистским действиям.

Рассмотрим различия интересующих нас понятий:

радикализм — обобщающая категория, отражающая стремление к коренным переменам, включающая идеологические цели и средства их достижения; в истории России, например, догоняющая модернизация (в XVIII в. — Петра I; в XIX в. — Александра II; в XX в. — П. А. Столыпина, И. В. Сталина, Е. Т. Гайдара) осуществлялась радикальными методами;

реформизм — радикальное течение, выдвигающее идеологические цели преобразований и действующее обычно в рамках существующего строя (хотя, как показала практика конца 1980—начала 1990-х гг., структурные реформы, включавшие либерализацию цен и приватизацию в экономике, демократизацию в политике, могут привести к изменению строя); конфликт интересов и ценностей разрешается на основе компромисса или использования ресурса власти; реализация целей возможна только правящей политической элитой и на правовой основе (обычно корректируемой под реформы);

экстремизм — крайнее радикальное течение, идеологические цели которого связаны с разрушением существующего строя; имеет социальные, этнические, культурные, религиозные корни; характерна абсолютизация какого-либо фактора или способа достижения цели (например, в России второй половины XIX в. распространены были нигилистические и максималистские идеи, террористические методы; в конце XIX—начале XX в. превалировали экономизм и революционаризм и т. п.); конфликт потребностей, интересов и ценностей развивается с применением насилия; действия экстремистов противоправны, осуществляются индивидуально, либо небольшой группой — террористический акт или заговор, либо частью общества в массовых действиях — революция или бунт.

Отечественная история богата проявлениями политического экстремизма, можно привести даже примеры того, как экстремизм воплощался в террористических действиях против радикалов-реформаторов (Александра II, П. А. Столыпина), против радикалов-революционеров иной партийной принадлежности (Л. Д. Троцкого, Л. Л. Седова и С. Л. Седова), приобретал массовый характер в период репрессий 1930-х гг. Долгое время наша историческая наука обедняла свое содержание абсолюти-

¹² См. Авцинова Г. И. Революционер в России : история и теория. Киев, 1995. С. 31—59.

зацией революционного пути, и анализ радикализма выглядел одномерным.

Выше уже отмечалось, что радикалы выбирают способы действия в зависимости от конкретных исторических условий:

радикалы, стоящие у власти, могут осуществлять реформы «сверху» или, уступая давлению, «снизу»;

если власть пренебрегает радикальным проектом, возможны несколько вариантов развития событий: а) закрепление в политической жизни радикальной партии или движения, перманентно выдвигающих свой проект и ожидающих благоприятной конъюнктуры; б) обострение отношений сторонников коренных перемен с правящей верхушкой, активная рекрутизация в радикальное движение, но на легальной платформе; в) переход радикалов к нелегальным методам («подпольные» структуры движения, политический шантаж, угроза применения и применение нелегальных средств борьбы с политической властью вплоть до террористических актов);

активное противодействие властных политических структур радикальным движениям (запрет определенных политических партий и организаций, искажение их целей в проправительственных СМИ, подавление организованных радикалами митингов, демонстраций, стачек и т. п.) может привести: а) к спаду влияния радикалов в обществе; б) к переходу радикалов к экстремизму, что обычно означает, что их цели превышают возможности существующего политического режима (в том числе законов, пределов компромисса, уступок и т. д.) или в принципе не могут быть реализованы (например, некоторые требования религиозного звучания, территориальных изменений, ущемления интересов какого-либо этноса, условия освобождения заложников и т. д.); в) к консолидации радикальных организаций, последствием которой может стать вооруженное противостояние власти (Израиль — палестинские боевики на Ближнем Востоке, федеральные структуры — чеченские сепаратисты в России и др.); г) к расколу в обществе (в значительной мере мифологизированное отношение населения США к арабам, въезжающим в страну, после событий 11 сентября 2001 года, предвзятое отношение москвичей, жителей Краснодарского и Ставропольского краев к выходцам с Кавказа и вообще мигрантам); д) к расширению оправдательной базы террористической деятельности («бедные» нации против «богатых», национальное самоопределение, религиозные расхождения, «несоответствие» культур, цивилизаций и др.); е) к усилению государственного давления и иногда террора (визовые ограничения в Европе и

США, отношение албанской администрации Косово к этнической сербской общине, смена борьбы с сепаратизмом в Чечне на борьбу с религиозным экстремизмом и бандитизмом и т. д.); ж) к межгосударственному террору (операции армии США в Афганистане и Ираке, вторжение грузинских войск в Южную Осетию, бомбардировки авиацией НАТО Югославии в 1990-х гг., угрозы США Ирану, Северной Корее).

Терроризм с точки зрения политической науки является методом решения экстремистских задач, которые, в свою очередь, являются крайним проявлением радикальных политических целей. Радикализм (и экстремизм в том числе) обычно формулирует свои цели как некий идеал (политический, социальный, экономический, религиозный, этнополитический и т. п.), а терроризм выдвигает промежуточные цели, которые наиболее часто озвучиваются как его признаки (некоторые исследователи включают их в определение). К таким целям относятся: дестабилизация существующего положения в обществе, политического режима; срыв работы правоохранительных органов, устрашение населения, политиков, журналистов, судей, свидетелей; корысть, нередко связанная с захватом заложников, транспортных средств и т. п.; самоутверждение членов террористических групп.

Особое место в практике властвующих радикалов занимает государственный террор. Природа его может быть различной: он может быть направлен против социальных, этнических, религиозных и других групп. В отечественной истории можно вспомнить такие проявления государственного терроризма, как опричнина и подавление староверов, карательные меры против крестьянских восстаний и превентивные действия против террористов XIX в., белый и красный террор периода Гражданской войны, репрессии 1930—1950 гг.¹³

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РАДИКАЛА

Генетические или биосоциальные причины радикального поведения, упоминавшиеся выше, могут быть обусловлены не только фоном национальных и социальных предпочтений того или иного народа, но и личностью самого радикала. Российские историки, философы, правоведаы искали традиционные отличительные черты русских в менталитете: закрепощенность, безысход-

¹³ См., напр.: Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 385 с.

ность приводили к бунту, бесправие — к нигилизму в отношении законов и, соответственно, к девиантному поведению. Литература, драматургия и кинематография советского периода героизировали радикала и в еще большей степени радикальную организацию. Революционер всех времен и народов заслуживал уважения и подражания.

Психология дополняет набор биосоциальных причин индивидуальным опытом в рефлекторно-инстинктивном и подсознательном вариантах. Поведение человека в политической среде рассматривается разными учеными с разных позиций (З. Фрейд, Э. Фромм, Г. Лебон, Г. Тард, К. Юнг, В. Парето, Г. Маркузе и др.).

Уделим более подробное внимание психологии экстремиста. Важным представляется не столько отойти от концепций рационального выбора, сколько не абсолютизировать их, и одновременно не противопоставлять рациональности подсознательные и рефлекторные основания политических мотивов и действий. В рассматриваемом нами аспекте для радикала бунт, революция, террористический акт представляются вполне рациональным способом достижения цели. Это будет, выражаясь языком М. Вебера, целерациональное действие. Возникает вопрос: в какой момент такое действие становится возможным с точки зрения господствующих в обществе ценностей, т. е. включается ли такое действие в культурную канву социума или, напротив, разрывает ее, становясь девиантным, преступным действием? Бросая вызов социуму, экстремист совершает преступление против него, но насколько преступно последующее оправдание его действий частью общества (например, оправдание присяжными выстрела В. Засулич в петербургского градоначальника Ф. Трепова в 1878 году)?

Важной составляющей гражданского общества является общественное мнение. Оно может играть серьезную роль как во взаимоотношениях с политическими структурами, так и в создании базы изменений в законодательстве. Государство нуждается в поддержке общественного мнения как одного из источников легитимности власти, государство же обладает преимущественными возможностями в его формировании.

Однако зачастую проявляется негативное общественное мнение по отношению к деятельности государственного аппарата и правоохранительных органов, при относительном признании необходимости существования этих институтов власти. В этой связи общественное мнение может даже выступать инструментом содействия правовому нигилизму и экстремиз-

му. Как уже отмечалось, многие отечественные ученые прошлого (особенно русской философской эмиграции) и настоящего считают правовой нигилизм составляющей менталитета российского населения, сложившейся на основе несоответствия навязываемых норм и образа жизни традициям и укоренившимся представлениям о справедливости. Так, дискуссия вокруг судов присяжных как конца XIX в., так и начала XXI в. показывает, что отечественная правовая культура в целом (при отчетливых региональных различиях) пока не способна эффективно использовать этот институт, связующий гражданское общество и судебную систему.

Есть и другие примеры, хотя, на наш взгляд, традиционный менталитет отразил не только исторический путь (монголо-татарское правление, самодержавие, длительный период крепостного права) и господствующую идеологию православия (с разнообразными иноверческими и даже языческими включениями), но и социальную структуру населения, поскольку горожане по своей численности сравнялись с жителями села только в 1970-х гг., когда значение уравнительности как цели в общественном сознании начало слабеть.

Во второй половине 1980—начале 1990-х гг. в общественном мнении жителей российских мегаполисов сочетание часто искаженных либеральных ценностей с традиционным недоверием к власти на фоне экономического и политического кризисов перестройки породило мощные радикальные требования, воплотившиеся в экстремизме неформальных объединений. Особенной силой обладали либерально-демократические, сепаратистские и национальные движения. Именно эти структуры гражданского общества в период кризиса государства и правящей партии сыграли роль в его распаде и установлении новых социальных, политических и экономических отношений. Парадоксально, но формула гражданского общества появляется позднее, а сама возможность его формирования в России подвергается сомнению некоторыми исследователями.

Общественное мнение косвенно может содействовать даже терроризму. Например, экстремизм националистических и сепаратистских групп проявляется в крайне уродливых и опасных действиях — в терроризме. Так, действия подростковых групп, нападающих на представителей отличных от них расовых и этнических групп, осуждаются политиками и СМИ, но имеют скрытую поддержку части населения, страдающей ксенофобией на бытовом уровне. Захват заложников, в том числе детей, и даже сотрудников международных посреднических и гуманитарных организаций рассчитан, напротив, на шумный общественный ре-

зонанс, когда сепаратистские цели принимаются с сочувствием. Этому способствуют и действия СМИ, которые наряду с отражением фактической стороны проблемы в комментариях идут навстречу террористам, создавая платформу поддержки их целей вместо жесткого и безусловного неприятия их методов.

Социальный фактор представляется обычно как более надежный в объяснении причин радикализма — к этому подталкивают традиции советского обществознания. Опираясь на экономические и социально-классовые критерии, радикализм рассматривают как феномен, обусловленный не индивидуальными причинами, а социальными, детерминирующими поведение индивидов, социальных групп и слоев. Социологический подход позволяет выявить специфические социальные группы, потенциально склонные к экстремизму как крайней мировоззренческой форме радикализма (марксизм предлагал пролетариат в качестве такой группы, хотя можно рассматривать и люмпенов, и городскую и деревенскую бедноту, и просто тех, кто находится за чертой бедности, и молодежь). Могут быть другие критерии, например политические, религиозные, культурные, правовые. И все же социологический подход не раскрывает сущности радикализма, поскольку он (и тем более экстремизм) не является фиксированным качеством конкретных социальных групп. Особенно важно это учитывать, когда речь идет о России, где радикализм проявлялся и проявляется во всех сферах общественной жизни и на всех уровнях.

Главную роль в социализации личности играет фактор культуры, который обычно рассматривается в рамках трех подходов: культурно-антропологического, цивилизационного и социокультурного. Каждый подход характеризуется как определенным позитивным вкладом в решение рассматриваемой проблемы, так и наличием определенных границ применения. Для нас важно то, что, во-первых, культура должна рассматриваться как элемент политической жизни, в данном случае России, при отсутствии стойких демократических традиций, при слабом развитии самостоятельного политического мышления у большинства социальных групп, при готовности населения принять нелегитимные решения и действия власти. Во-вторых, культура, будучи закрепленной в виде институтов, организаций, в символической, выступает как относительно самостоятельная и устойчивая среда, в которой зарождается и функционирует экстремизм и формируется личность радикала. В-третьих, именно культура, дополненная социологическим

фактором, позволяет объяснить высокий уровень развитости в России левацкой направленности политического экстремизма.

В последние десятилетия появились новые формы радикализма, соответствующие целям протеста: антиглобализм и экорадикализм.

Вхождение ряда стран в постиндустриальную фазу развития, информационный взрыв создали основания для глобализации. Объективные возможности интернационализации различных сфер жизни дополнялись субъективными усилиями по созданию механизма управления глобальными процессами. Негативные проявления глобализации: выделение постиндустриальных стран в некий «клуб», где принимаются решения в отношении остальных государств; сохраняющиеся от периода «холодной войны» приоритеты в военном блокировании и использовании силы в отношении реальных и мнимых угроз; растущий разрыв между постиндустриальными, индустриальными и слаборазвитыми странами в технологиях, экономике, уровне жизни.

Антиглобализм отражает как конструктивные попытки сгладить противоречия, так и экстремистские варианты отстаивания автономии личностей, ассоциаций, наций. На рубеже тысячелетий наблюдается усиление активности антиглобалистов — встречи «восьмерки», заседания органов Всемирной торговой организации (ВТО), Международного валютного фонда или Гаагского международного трибунала вызывают массовые протестные акции с участием десятков тысяч манифестантов.

Разнообразие антиглобалистских организаций приводит к различию оценок их деятельности. В одних случаях борьба за глобальную справедливость и национальные приоритеты вызывает по крайней мере сочувственное внимание, в других — раздражает в связи с неопределенностью требований анархистов или действиями маргиналов, их непримиримостью даже к объективным процессам в рамках глобализации.

Нередко радикальное содержание носят концепции экологов, а «обнародование» их идей приобретает противоправный характер. Соответственно, институционализация экологов как политической партии, которая, возможно, будет способна преодолеть растущий экстремизм в проведении разнообразных природоохранных акций, отвечает интересам правоохранительных органов.

Если левые (условно) фракции экологических движений действуют на поле социальных проблем, обусловленных техногенными последствиями производства (обычно радикализм этих фракций не идет дальше кампаний в СМИ и акций, эпатажирующих обывателя), то правые экоэкстремистские организации обычно оперируют национальными интересами. Антиглобализм у правых

обретает несколько иную трактовку, нежели у левых (наиболее повторяемые протестные аргументы правых: развитые страны ввозят в слаборазвитые под предлогом модернизации представляющие опасность для природы предприятия, технологии; хищнически относятся к природе владельцы частных предприятий), поскольку экоправые радикалы утверждают, что непрерывный экономический рост невозможен в силу ограниченности мира, в котором живет человек. Соответственно, заботиться надо не о прогрессе в его либеральной или марксистской трактовке, а о сохранении природы, чтобы предотвратить экологический крах и гибель человечества.

Правые экорадикалы призывают к защите национальных экологических интересов, которым угрожают равнодушное отношение мигрантов, не имеющих корней в среде их нынешнего пребывания, хищнические приемы использования природы, к которым они привыкли в прошлом. На Западе это воплощается в лозунгах построения «крепости Европа» и даже установления «экодиктатуры», в отечественных «почвеннических» кругах — в жесткой редакции закона о гражданстве, принятой Государственной Думой и получившей (правда, по прошествии времени) негативную оценку Президента, в расистских выходках «скинхедов».

Экологическая безопасность общества, как это ни парадоксально, иногда имеет таких защитников, которые наносят ущерб экономическим интересам государства, а порой и его безопасности в других аспектах. Практические действия экологов, имеющие задачей охрану окружающей среды от последствий человеческой деятельности, направлены как аргумент (иногда вызов) к власти, но воплощаются большей частью через посредника — общественное мнение. Привлечение внимания социума к природоохранным проблемам требует от экологических организаций нетривиальных усилий. На практике же это часто превращается в погоню за сенсацией, которая способна заинтересовать средства массовой информации (например, предвыборная акция «Яблока» осенью 2003 года против ввоза в страну ядерных отходов, выразившаяся в проникновении думского депутата С. Митрохина на перерабатывающее предприятие, или «вторжение» членов «Greenpeace» в зону контроля ядерных подводных лодок Северного флота и т. п.).

Подобные действия экорадикалов (может быть, точнее — экоэкстремистов, поскольку применяются крайние протестные

формы) внимание на время привлекают, но скорее именно формой, чем содержанием. Надежда на то, что побудительные причины акции станут главной темой, когда дело дойдет до разбираательства противоправных действий, редко воплощается в реальность. Опасность же для общества в таких ситуациях существует: экорадикалы своими действиями могут спровоцировать неадекватный ответ правоохранительных органов, военных, аварию на химическом производстве или АЭС, например нарушение технологических режимов, и т. п.

Необходима защита действительных интересов общества от опасных действий экорадикалов разной окраски, способных вызвать непоправимые последствия. Хотя эти действия и идеологии и находятся на периферии экологических движений (экстремизм, кстати, всегда «перифериен»), тем не менее упускать подобные проявления нельзя: при определенных условиях они будут расширяться либо в сторону вседозволенности, либо, наоборот, в сторону экодиктатуры и национализма.

5. ТЕРРОРИЗМ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Проблема терроризма, постоянно привлекающая внимание политиков, юристов, психологов, в кризисные периоды достигает своего апогея, заполняя эфир и страницы отечественных и мировых СМИ. Мотивы терроризма многообразны и террористические действия вызывают изменения и в политической сфере, и в социальной, и почти во всех случаях в уголовно-правовой.

С течением времени терроризм меняется: если в прошлом террористические действия носили скорее прагматический характер, являясь либо средством физического устранения неудобного политического противника, либо способом устрашения населения путем индивидуального и массового террора со стороны власти, то последние годы дали такие примеры терроризма, которые явно оправдали и в чем-то превзошли худшие прогнозы его исследователей конца XX—начала XXI в. Это касается масштабов, используемых средств, почти полного отсутствия селективности ответных действий и их неадекватности.

В последние десятилетия особую опасность приобрел религиозный экстремизм — крайнее радикальное течение, присущее религиозным группам, цели которых связаны с реализацией предназначения осуществить в мире воспринятую ими от Бога идею о спасении всего человеческого рода.

История дает немало примеров религиозного экстремизма, когда представители различных конфессий видели возможность спасти мир путем насильственного приобщения язычников к религии или уничтожения «неверных». Это приводило к бесчисленным религиозным войнам, крестовым походам, искажению традиционной культуры народов (например, инков и ацтеков в Центральной и Южной Америке, славянских народов Восточной Европы, населения Центральной Азии и Северной Африки и др.). Как полагал С. Хантингтон, а ранее в своих работах на это указывал А. Тойнби, под угрозой оказались целые цивилизации, а по границам религиозных и культурных «материков» регулярно разгорались конфликты (мусульмане против христиан, сикхи против индусов и т. п.).

Добавили в религиозный экстремизм новые цели и новые угрозы и XX—начало XXI столетия. «Зеленая революция» в Иране в 1979 году внесла в повестку дня исламский фундаментализм. Разрушение существующего светского строя в странах Ближнего Востока и Средиземноморья (Афганистан, Ирак, Ливия, Тунис, Египет, Сирия) для исламского радикального экстремизма совпало с геополитическими интересами США и других стран НАТО, стремящихся избавиться от непослушных или недостаточно послушных политических вождей. Целью радикального ислама стало создание всемирного халифата и его ответвлений (в частности, ваххабитского халифата на российском Кавказе в 1999—2009 гг.).

Движения религиозного экстремизма «Талибан» (Афганистан, Пакистан), «Аль Каида» (международное, с корнями в Саудовской Аравии), «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ или ДАИШ — от арабского названия), которое также объявило себя халифатом, включающим части территорий Ирака, Сирии, Ливии, со столицей в Эр-Ракке (2014 год) и их многочисленные более мелкие последователи развернули активную деятельность по свержению существующей власти и ее замене на религиозную. Религиозный экстремизм взял на вооружение террористические методы, причем использует их не только в ближневосточном регионе, где идут основные боевые действия, но и в Европе, США, России.

Анализу этого опаснейшего феномена уделяется серьезное внимание отечественной и зарубежной юридической и политической наукой. Однако однозначных ответов на поставленные жизнью вопросы не выработано — нет общепризнанного определения терроризма, не решен вопрос о месте государственного террора, авторы большинства публикаций ограничиваются классификациями признаков терроризма и в итоге общими призывами к необходимости усиления борьбы с ним.

Выделяя как особо значимые политический и правовой аспекты терроризма, отметим, что причины террористических действий чаще носят чисто политический характер или политический в сочетании с национальным, социальным, религиозным и т. д. Последствия же чаще лежат в юридической плоскости, но если они не могут быть блокированы в ней, то их пытаются разрешать политическими или военно-политическими методами.

Политический аспект терроризма важен и сложен, поскольку именно в политике закладывается фундамент проблем, разрешаемых преступными методами, что в конечном счете создает поле деятельности для криминологов, специалистов уголовного права, правовой психологии и т. д. Поэтому междисциплинарному анализу можно предсказать перспективу развития.

Особое явление представляет собой международный терроризм, который, как правило, несет в себе всеобщую опасность, но совершается на территории какого-либо государства и подпадает под юрисдикцию этого государства. Геноцид, работорговля, расовая дискриминация или оборот наркотиков, например, получают схожие оценки в разных странах, а терроризм — явление, имеющее социальные и политические корни, комментируется порой диаметрально противоположно. Особенно это характерно для периода, когда мир был расколот на две системы — капитализма и социализма. Вероятно, поэтому уже в первых документах, регламентировавших борьбу с международным терроризмом (резолюции III, IV и V Международных конференций по унификации уголовного законодательства и на их основе разработанные проекты Конвенций Совета Лиги Наций по борьбе с терроризмом и о создании международного уголовного трибунала для привлечения террористов к ответственности, одобренные в декабре 1934 года, но так и не вступившие в силу), говорилось об обязанности государств не поощрять и не допускать на своей территории террористическую деятельность. Эти материалы носят отпечаток времени: их обсуждение проходило без участия советских юристов, а в содержании заметна обеспокоенность распространением большевизма в Европе.

В проекте Конвенции по борьбе с терроризмом было изложено обязательство государств предупреждать и наказывать деятельность террористов, направленную против другого государства, предусмотреть в своем уголовном законодательстве ответственность за деяния, направленные против жизни, телесной неприкосновенности, здоровья и свободы лиц, пользующихся международной защитой, умышленные повреждения имущества иностранных государств, угрозу гибели людей путем дестабилизации обще-

ственной жизни, попытки совершения перечисленных акций, изготовление, приобретение, хранение или передачу оружия и снаряжения, взрывных устройств или веществ в целях совершения террористического акта. Предписывалось запрещать бесконтрольное владение оружием (кроме охотничьего) и боеприпасами, изготовление и использование фальсифицированных документов¹⁴.

Очевидно, что в этих проектах терроризм рассматривался прежде всего как метод достижения различных целей (экономических, политических, идеологических и т. д.), но как метод преступный. Не случайно вместе с проектом Конвенции по борьбе с терроризмом рассматривался и проект Конвенции о создании международного уголовного трибунала.

Однако Вторая мировая война не только прервала работу над правовыми документами, направленными на борьбу с терроризмом, но и сместила акценты. Государственный террор, приводящий к репрессиям по отношению к миллионам, террор оккупантов во время войны, геноцид по этническим и геополитическим основаниям, переселение под угрозой насилия целых народов и другие подобные акции на время отвлекли внимание от террористических организаций. Появляется апологетическая аргументация, исходящая из целей террористов. Например, понятие «партизан» использовалось как награда по отношению к вооруженному сопротивлению населения оккупированных территорий в период Великой Отечественной войны советского народа и участникам движения Сопротивления в Европе. Вместе с тем по отношению к оккупантам партизаны часто прибегали к террористическим методам. Партизаны-герильерос стали на долгое время романтическими героями как борцы за национальное и социальное освобождение. Именно национально-освободительная борьба привела к серьезным затруднениям в оценке террористических акций обществом.

В 1972 году вопрос о терроризме был поставлен на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Причем предлагаемая формулировка оставляла лазейку для экстремистов: «Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей или приводит к их гибели или ставит под угрозу основные свободы, и изучение корен-

¹⁴ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон : избранные произведения. М., 1969. С. 40—58, 119—120, 319—320.

ных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен». Социальные цели и противоправные методы были сведены воедино. В Резолюции 31/102 1976 года Генеральная Ассамблея ООН подтвердила «неотъемлемое право на самоопределение и независимость всех народов, находящихся под колониальным и расистским гнетом и под другими формами иноземного угнетения» и осудила «репрессивные и террористические акции колониальных, расистских и чужеземных режимов, отрицающих законное право на самоопределение, независимость и другие права и основные свободы человека»¹⁵.

В подобной ситуации одни называют насильственные акции террористов международным терроризмом, другие — освободительной войной. Например, считается, что поскольку размыто соотношение понятий «самоопределение» (цель) и «терроризм» (метод), а некоторые международные акты не запрещают терроризм в принципе, т. е. если он направлен против деятельности, не совместимой с Уставом ООН, то трудно ожидать успеха в международной борьбе с терроризмом¹⁶.

Трудности в определении терроризма (политика? идеология? метод? все в совокупности?) пытается преодолеть Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г., которая в ст. 1 призывает не рассматривать как политические или связанные с политическими: «а) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов 1970 г.; б) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.; в) тяжкие правонарушения, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая дипломатических представителей; г) правонарушения, содержащие захват заложников или незаконное лишение свободы; д) правонарушения, содержащие использование бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного оружия, бандеролей или посылок с опасными вложениями, соразмерно с тем, насколько подобное использование представляет

¹⁵ Цит. по: Моджорян Л. А. Терроризм и национально-освободительные движения // Государство и право. 1998. № 3. С. 82—87.

¹⁶ См., напр.: Wardlaw G. Political Terrorism. Cambridge, 1982. P. 10.

опасность для людей; е) попытку совершения одного из вышеуказанных правонарушений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает или пытается совершить подобное правонарушение».

Положения указанной Конвенции опираются на терроризма как: угрозы насилием или его применения в политических целях группой лиц или индивидом, не имеющими формальной политической власти и ставящими перед собой политические цели; применения или угрозы применения отдельными лицами или группами лиц насилия с намерением вызвать ужас среди населения и принудить власти удовлетворить политические требования террористов. По нашему мнению, это справедливо: множественность целей и идеологий, а большинство авторов увлекается классификациями, не забывая сообщить об их неполноте, не должна затмевать того, что суть террористических методов составляют преступные уголовные деяния.

Специфика международного терроризма состоит в том, что: 1) террорист, как и его жертва, являются гражданами одного или разных государств, но преступление совершено за пределами этих государств; 2) террористический акт совершен против лиц, пользующихся международной защитой; 3) подготовка велась в одном государстве, а террористический акт осуществлялся в другом; 4) совершив террористический акт в одном государстве, преступник укрывается в другом¹⁷. Вряд ли этого достаточно — выше уже упоминались террористические проявления в колониальной и оккупационной политике государств, терроризм партизанских соединений в период войны и национально-освободительной борьбы, к этому добавим террористические акции религиозных объединений и сект и др.

Дискуссия среди отечественных и зарубежных правоведов идет по принципиальному поводу: может ли государство быть ответственным за терроризм в международном масштабе, за оплату террористов в своих целях, правомерны ли формулировки типа «террористические акты одних государств против других», «государственный терроризм» (не террор). Если в условиях господства классовой идеологии дискуссия напоми-

¹⁷ Емельянов В. П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. 2000. № 1. С. 70—77.

нала «диалог глухих», то после отказа от классового подхода к явлениям общественной жизни, по крайней мере в пределах Ев-Европы, появляется шанс для сближения позиций.

Иначе выглядит в этих перспективах подход Соединенных Штатов Америки. Отношение США к актам международного терроризма было изложено в 1983 году. Во-первых, это принципиальный отказ выполнять требования террористических шантажистов (США не единственная страна, отказывающаяся разговаривать с террористами. В этом есть особый смысл: терроризм возможен только там, где есть гуманизм правительства и общественного мнения, где есть возможность пропаганды целей террористов. В жестких авторитарных и тоталитарных обществах террористические проявления были минимальными). Во-вторых, использование всех средств, включая военные, для борьбы с террористами, противостоящими интересам США. В-третьих, ответственность правительств стран, где оказывается поддержка террористам, угрожающим США. Поэтому в США принят ряд документов, допускающих вторжение в пределы иностранных государств для захвата террористов, применение вооруженных сил против государств их пребывания, задержание за пределами страны террористов, разыскиваемых США.

В последние годы США неоднократно предпринимали террористические действия на государственном уровне. Подобные примеры оказали плохое воздействие на европейских членов НАТО, осуществивших в ответ на государственный террор югославского руководства по отношению к косовским албанцам многосторонний террор по отношению к Сербии, приведший к утрате ею исконно сербской территории Косово-Метохия.

Необходим поиск возможностей для создания на базе ООН общих правовых критериев по оценке терроризма и государственного террора, распространения на основе Европейской конвенции по борьбе с терроризмом принципа *aut dedere aut judicare* (судить или выдавать), закрепленного во внутреннем законодательстве государств, на межгосударственные отношения. Социально-политические основания терроризма не должны служить препятствием для уголовно-правовых оценок.

6. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА¹⁸

¹⁸ Данный раздел подготовлен с использованием материалов: Латов Ю. В. Экономический анализ современного терроризма : учеб. пособие. М., 2007. 88 с.

Среди различных видов преступности террористические преступления занимают особое место. Прямые потери от терроризма невелики — число погибших от рук террористов на несколько порядков меньше, например, числа жертв автомобильных аварий. Однако террористические преступления, в отличие от ДТП, воспринимаются как опаснейшая угроза обществу, дестабилизирующая его общественно-политическую и экономическую жизнь.

Если первоначально терроризм был объектом изучения только криминологов и политологов, то к настоящему времени к его анализу подключились представители буквально всех общественных наук. Для выработки эффективных путей противодействия террору большое значение имеет экономический анализ терроризма (*economics of terrorism*) как одно из направлений экономического анализа преступной и правоохранительной деятельности (*economics of crime and punishment*).

Экономический анализ терроризма и борьбы с ним включает три основных аспекта.

Первый аспект — это экономическое объяснение причин возникновения и развития терроризма. Понимание социально-экономических корней современного терроризма позволит уменьшить уже существующую социальную базу террористов или предотвратит ее возникновение.

Второй аспект — это анализ источников финансирования терроризма. Терроризм как институт невозможен без крупных финансовых затрат. Источниками доходов являются как финансовая помощь легальных субъектов, так и доходы террористических организаций от различных криминальных промыслов (наркоторговля, похищение людей, рэкет и др.). Перекрытие каналов финансирования терроризма позволит эффективно бороться с ним, не прибегая к чисто силовым действиям.

Третий аспект — это анализ экономических последствий от террористических акций. Понимание того, каков прямой и косвенный ущерб от террористических актов, является важным фактором обоснования оптимального масштаба антитеррористических действий и создания механизмов компенсации потерь от терактов.

Экономические причины терроризма. В экономическом анализе причин развития терроризма можно выделить два основных подхода — геоэкономический и национально-ориентированный. Геоэкономический подход рассматривает современный терроризм как порождение мирового хозяйства в целом. Национально-

ориентированный подход, напротив, делает основной акцент на социально-экономические особенности отдельных стран, способствующие развитию в них терроризма.

Концепция геоэкономического подхода. Политический терроризм стал устойчивым фоном мировой истории с 1970-х гг., превратившись из эпизодических событий в постоянный фактор жизни почти всех регионов планеты. Знаковыми событиями считаются убийства израильских спортсменов палестинскими террористами на Мюнхенской олимпиаде 1972 года и экс-премьер-министра Италии А. Моро «красными бригадами» в 1978 году.

Современники полагали, что главная причина развития терроризма — это мировое противоборство капиталистического и коммунистического лагерей в «холодной войне». При этом террористы рассматривались как явные или скрытые агенты одной из сторон: итальянские «красные бригады», германский РАФ, латиноамериканские городские партизаны и т. д. поддерживаются якобы «красными», а афганские моджахеды и никарагуанские контрас — «демократами». Мир был фактически поделен на сферы влияния, и каждая из сторон, осуждая «чужих» террористов, поддерживала (гласно или негласно) «своих». Впрочем уже в 1980-е гг. начал бурно расти исламский терроризм («Хезболлах» сформировался в 1982 году, «ХАМАС» в 1987 году).

Когда же в начале 1990-х гг. «холодная война» окончательно завершилась, то резко возросла активность террористов из стран «третьего мира» (Ближний Восток, Колумбия, Цейлон), руководствовавшихся чаще всего националистическими или религиозными ценностями¹⁹. Террористический акт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, ответственность за который взяла на себя исламистская террористическая организация «Аль-Каида» (основана в 1990 году), называют началом современной террористической войны. Однако началась она двумя десятилетиями раньше: знаковым событием рождения «самостоятельного» терроризма, не связанного логикой противоборства сверхдержав, надо считать убийство «Братьями-мусульманами» египетского президента А. Садата 6 октября 1981 года.

Если сравнить периоды «холодной» и террористической войн, то общее количество терактов, скорее, сократилось, но количество жертв террора заметно возросло. Однако качественно изме-

¹⁹ В начале 2000-х гг. на лево- и правозыстремистские группировки приходилось примерно 36 % всех терактов, в то время как на одних только исламских террористов — 56 %. См.: Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2005. С. 246.

нилось влияние терроризма на политическую и экономическую жизнь мирового сообщества. Если ранее он считался проблемой лишь отдельных стран, то в 1990-е гг. его стали называть в числе глобальных проблем современности, которые касаются всех (или большинства) стран мира и которые могут решаться только объединенными усилиями мирового сообщества. Именно тогда сформировалось представление о международном терроризме как негативном проявлении глобализации.

Причины обострения проблемы терроризма заключаются в следующем. Завершение «холодной войны» было воспринято на Западе как «конец истории», как полная победа в мировом масштабе западной либеральной цивилизации в ее американской разновидности. Если ранее, в полицентричном мире, периферийные и полупериферийные страны «третьего мира» могли надеяться на сохранение своей цивилизационной самостоятельности, лавируя между двумя противоборствующими лагерями, то теперь возможность такого маневрирования исчезла. В результате «третий мир» стал еще более болезненно переживать свою экономическую отсталость и еще активнее противодействовать насаждению западных ценностей. Вместо «конца истории» (по Ф. Фукуяме) наступила эпоха «столкновения цивилизаций» (по С. Хантингтону), и прежде всего столкновения Запада с мусульманской цивилизацией.

Поскольку Россия причисляет себя к Западу, противопоставляя православную цивилизацию цивилизации ислама, она тоже становится объектом исламистского терроризма, хотя по своим геоэкономическим интересам как страны полупериферии она ближе к странам Востока. Международный терроризм занял опустевшую было нишу «главного врага», в постоянной борьбе с которым объективно заинтересованы структуры военно-промышленного комплекса разных стран и опирающиеся на него политики. Хотя врагом исламские террористы считают США, наиболее болезненно последствия террористической деятельности ощущают периферийные (Ливия, Иран, Ирак, Сирия) и полупериферийные (Россия) государства, являющиеся оппонентами США. Именно под лозунгом борьбы с международным терроризмом США расширили свою сферу влияния, осуществив операции по свержению наиболее непримиримых антиамериканских режимов в ходе «арабской весны» и прямые вторжения в Афганистан, Ирак, Ливию.

Все это служит основанием для конспирологических утверждений, будто спецслужбы продолжают тайно манипулировать террористами или даже сами организуют теракты от их имени. Целью таких инсценировок является либо нанесение удара по

странам-противникам (поддержка спецслужбами Запада чеченских террористов), либо создание обстановки спроса на «сильную руку» (американские спецслужбы обвинялись в организации взрывов 11 сентября 2001 года, российские — в организации взрывов домов в 1999 году). Интерпретация терроризма как «тайного оружия спецслужб», возможно, является ложной, однако она допустима как дополнение к традиционным взглядам на терроризм.

Национально-ориентированный подход. Уровень терроризма сильно различается в разных странах, даже если они принадлежат к одной цивилизации. Так, исламские террористические организации на Ближнем Востоке действуют активнее, чем в странах Магриба, а деятельность лево- и праворадикальных террористических организаций намного заметнее в Колумбии и Мексике, чем в Аргентине и Чили. Поэтому следует выделять те факторы национального развития, которые способствуют развитию терроризма.

Для исследования национальных факторов стимулирования или сдерживания терроризма можно использовать приемы экономико-математического анализа преступности (криминометрики), применяемые с 1960-х гг.

Криминометрика ориентируется на модель рационального поведения любого правонарушителя. По мнению экономистов-криминологов, преступник ведет себя по существу так же, как и нормальный законопослушный гражданин, — стремится наиболее эффективно использовать имеющийся в его распоряжении человеческий и физический капитал. С этих же позиций рационального индивидуализма экономисты-криминологи анализируют и терроризм.

Известна также концепция терроризма как «рационального самоубийства»²⁰. Индивид выбирает оптимальную комбинацию двух духовных благ — интеллектуальной независимости и групповой сплоченности. Высокое предпочтение сплоченности делает рациональным выбор карьеры террориста-смертника. С этой точки зрения можно попытаться объяснить, почему широко развит исламский терроризм, но нет терроризма буддийского или конфуцианского: ислам — мировая религия, в наибольшей степени требующая от индивида подчинить всю свою жизнь религиозной общности.

Эти концепции основаны на использовании экономической логики для анализа либо политических, либо культурных факто-

²⁰ Wintrobe R. Rational Extremism: The Political Economy of Radicalism. Cambridge University Press, 2006. 286 p.

ров. Однако часто высказываются суждения о прямом влиянии на уровень терроризма чисто экономических факторов — прежде всего, уровня жизни и дифференциации доходов. При таком подходе терроризм рассматривается как социальная форма протеста, порожденная бедностью. Такую трактовку легче всего подвергнуть криминометрической проверке, которая, однако, пока не дает ей подтверждений.

Проверив корреляцию опасности терактов для разных стран мира с социально-экономическими характеристиками этих стран (среднедушевой ВВП, доля мусульманского населения, коэффициент Джини и др.), исследователи независимо друг от друга пришли к схожим выводам. Во-первых, среднедушевой доход и дифференциация доходов сильного влияния на уровень терроризма не оказывают. Во-вторых, значимыми оказались показатели политической свободы и открытости, но эта зависимость не линейна: сначала с ростом политических свобод и открытости страны угроза терроризма растет, затем начинает снижаться. Можно сделать вывод о неизбежности временного всплеска терроризма при переходе от авторитарного режима к демократии (как это было в Испании 1980-х и в России 1990-х гг.).

Полученный результат можно интерпретировать как доказательство доминирования международно-политических причин терроризма над национально-экономическими. Открытость и политическая свобода создают возможность для проникновения в страну извне идеологии и организационных структур террористических организаций почти независимо от социальных и экономических факторов национального хозяйства. Лишь высокий уровень демократии уменьшает склонность граждан к насильственным мерам политического противоборства.

Иной подход к объяснению национальных факторов, способствующих развитию терроризма в отдельных странах, предлагают неоинституционалисты. Так, перуанский экономист Э. де Сото обращает основное внимание на экономические институты, регулирующие развитие мелкого бизнеса²¹. Государство во многих развивающихся странах создало многочисленные административные барьеры, которые практически отсекают небогатых граждан от предпринимательства. Имея ограниченные возможности для законопослушной деятельности, такие люди чаще всего уходят в неформальный сектор экономики, но многие из них идут еще дальше — в политический террор.

²¹ Сото Э. де. Иной путь: экономический ответ терроризму. 2-е изд. Челябинск, 2008. 408 с.

Будучи в 1990-е гг. экономическим советником президента, де Сото предложил сочетать силовые удары по связанным с наркомафией леворадикальным террористам с закреплением прав собственности сотен тысяч бедных крестьян и городских предпринимателей. В результате если в 1980-е гг. Перу напоминала Чечню 1990-х гг. (партизаны-террористы из организации «Светлый путь» контролировали значительные районы страны), то после реформ страна почти перестала страдать от политического террора.

При анализе исламского терроризма предлагается обращать внимание на экономические институты стран ислама²². В этих странах весьма затруднены условия для развития предпринимательства. Исламское право требует делить наследство между всеми наследниками, что затрудняет накопление капитала и использование современных технологий. К тому же государства на Ближнем Востоке постоянно используют высокие налоги и прямые конфискации, для них типична высокая коррупция. Карьера террориста для деятельного человека становится привлекательной.

Таким образом, хотя современный терроризм является в основе своей геоэкономическим феноменом, на степень его развития в конкретной стране влияют особенности национальных экономических моделей. Сильнее всего терроризм развивается в тех государствах (Ливан, Колумбия, Афганистан, Ирак, отчасти постсоветская Россия), где правительство не смогло обеспечить основной массе населения основные общественные блага (безопасность, защиту прав собственности).

Для экономического обоснования методов антитеррористической борьбы можно воспользоваться стандартной моделью *economics of crime*, описывающей выбор потенциального правонарушителя:

$$R = (1 - p) S + p (S - D) = S - p D,$$

- где **R** — чистая выгода (return) от преступления;
p — вероятность (probability), что преступник будет пойман и наказан;
S — величина выгоды преступника от удачного правонарушения;
D — величина потерь преступника в результате его наказания.

Потенциальный правонарушитель (а таковым в рамках экономической теории преступности считается каждый гражданин) будет отказываться нарушать закон, если чистая выгода будет

²² Kuran T. Why the Middle East is Economically Underdeveloped: Historical Mechanisms of Institutional Stagnation // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18. P. 71—90.

отрицательной, т. е. $S < p D$. Показатель S , в свою очередь, зависит от упущенных возможностей законопослушного поведения, если выбор преступной карьеры делает их недостижимыми. В таком случае для террориста

$$S = \text{Willeg} - \text{Wleg},$$

где **Willeg** — «выгоды» от нелегальной деятельности (материальные и моральные);

Wleg — упущенные «выгоды» от легальной деятельности.

Для того чтобы выбор карьеры террориста был невыгоден, надо, следовательно, чтобы

$$\text{Willeg} < p D + \text{Wleg}.$$

Параметр **Willeg** определяется материальными и моральными выгодами, которыми руководители террористических организаций привлекают и удерживают рядовых членов. Правоохранительные органы могут влиять на этот параметр путем борьбы с финансированием терактов. Однако применительно к политическому терроризму противовесом деньгам являются моральные выгоды (райское блаженство для погибших «воинов Аллаха», уважение окружающих при жизни, обряд похорон и др.), на которые должны влиять перемены в обществе, снижающие такие моральные выгоды. Тем более что не все мусульмане стремятся стать шахидами, в особенности в нашей многоконфессиональной стране.

Наиболее доступными влиянию общества являются переменные, находящиеся в правой части уравнения — меры наказания (**p** и **D**) и упущенные «выгоды» от легальной деятельности (**Wleg**). При этом важно помнить, что люди реагируют не столько на реальные значения этих показателей, сколько на информацию о них. Так, акцентирование в СМИ сообщений о неудачах в анти-террористической борьбе становится «агитацией» за привлечение новых участников террора. И наоборот, частые и убедительные сообщения о гибели или аресте боевиков снижают привлекательность участия в терроре, даже если на самом деле вероятность и тяжесть наказания остаются на прежнем уровне.

В зарубежной литературе популярна точка зрения, что наиболее эффективный путь борьбы с терроризмом — это предоставление потенциальным или даже реальным террористам привлекательных возможностей для законопослушной жизни.

По распространенному мнению²³, история борьбы с терроризмом показывает: чисто силовые методы в подавляющем большинстве случаев неэффективны; необходима альтернатива в виде так называемого позитивного подхода — использования «пряника» (поощрения желаемого поведения) в комплексе с действенными реформами существующей системы. Для создания положительных стимулов не участвовать в террористической деятельности, например, рекомендуются следующие мероприятия, направленные на повышение скрытых издержек (упущенных возможностей) участия в терроре:

реинтеграция террористов в общество: создание у террористов ощущения принадлежности к обществу в целом (например, путем вовлечения их в публичные дебаты) позволит им, как минимум, усомниться в непреложности своих взглядов;

поощрение раскаивающихся: смягчение наказания либо полное освобождение от него, поддержка на начальных этапах мирной гражданской жизни;

предоставление ценных в обществе возможностей в обмен на отказ от террористической деятельности (например, приглашение идеологов террора в ведущие европейские университеты, как это было с А. Негри — идеологом итальянских «красных бригад», показателен также случай с Р. Дебре — идеологом бунта французских студентов, ставшим советником президента Ф. Миттерана).

Критики такой позиции полагают, что применение идей экономической теории преступности должно вести к одновременно использованию «кнута и пряника». Если предлагать раскаившимся террористам благоприятные возможности для легальной деятельности без какого-либо наказания, то это скорее усилит приток террористов, чем уменьшит его. Поэтому наряду с созданием условий для возвращения в общество бывших террористов необходимо применять силовое давление на действующих террористов. При этом следует помнить вывод исследователей экономики преступности о том, что вероятность наказания оказывает более сильный сдерживающий эффект, чем размер наказания.

Итак, из анализа причин терроризма можно сформулировать четыре практические рекомендации:

во-первых, эффективная борьба с терроризмом принципиально не может вестись только силами какого-либо отдельного госу-

²³ См., напр.: Frey B. S. Dealing With Terrorism: Stick or Carrot [Электронный ресурс]. Elgar Publishers, 2004. URL: <http://www.iet.ru/publication.php?folder-id=44&publication-id=6388&print-version=yes> (дата обращения: 03.02.2016).

дарства — она должна быть развернута на межгосударственном уровне;

во-вторых, на национальном уровне главным инструментом сдерживания терроризма в долгосрочном периоде является социальная политика, регулирующая взаимоотношения различных этнических и конфессиональных групп, в сочетании с внешнеполитической стратегией правительства;

в-третьих, препятствуют развитию терроризма не только и не столько собственно антитеррористические мероприятия, сколько общее движение к такому режиму правового государства, при котором создаются благоприятные возможности для легальной самореализации граждан, отвращающие их от участия в террористической деятельности;

в-четвертых, необходимо добиваться максимально открытого освещения в СМИ позитивных результатов в борьбе с терроризмом, чтобы оказать превентивное воздействие на потенциальных террористов.

Источники и масштабы финансирования. Экстремизм и терроризм невозможны как без фанатизма, так и без крупных финансовых затрат на организацию терактов (закупка оружия и взрывчатки, оплата боевиков) и на освещение этих терактов и их причин в СМИ. Сокращение финансирования (в идеале — пресечение) позволило бы значительно снизить масштабы терроризма и ущерб от него.

Внешние источники: помощь правительств, частных лиц и некоммерческих организаций. Традиционным источником помощи террористическим организациям является их финансирование странами, использующими такие организации в качестве инструмента для достижения своих целей, которые самим террористам могут быть неизвестны и даже совершенно чужды. Еще в начале 2000-х гг. госдепартамент США составил «черный список», согласно которому в поддержке террористических организаций обвинялись такие государства, как Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Судан, Северная Корея (КНДР) и Куба (позже Ливия из этого списка была удалена). Что касается Северной Кореи и Кубы, то ими помощь оказывалась в основном «левым» террористам, к тому же она была невелика и отнюдь не бесспорна. Все остальные страны-изгои относятся к миру ислама и, соответственно, поддерживают связи преимущественно с исламскими экстремистами и палестинскими группировками.

Особой проблемой является финансовая помощь террористам со стороны спецслужб некоторых развитых стран, однако пока доказательств подобной помощи нет.

Более важный источник финансирования современных террористов — это спонсорство частных лиц через посредничество разного рода землячеств, обществ, оказывающих гуманитарную помощь, религиозных организаций и т. д. Так, один из самых известных руководителей террористической организации «Аль-Каида» Усама бен Ладен, миллионер из Саудовской Аравии (эта «нефтяная» страна на 80 % финансировала «Аль-Каиду»), сначала был спонсором антисоветских афганских моджахедов, а затем сам возглавил террор. Поскольку Саудовская Аравия является союзником США, а многие ее граждане спонсируют исламский терроризм, то это иногда считают доказательством проамериканского характера исламского террора. Пожертвования благотворительных и неправительственных организаций и частных лиц направляются почти всегда в религиозные и националистические террористические группировки.

Внутренние источники: криминальное самоснабжение. В последнее время терроризм все менее нуждается в финансовой помощи извне и все более переходит на самоснабжение путем использования криминальных источников — наркобизнеса, контрабанды полезных ископаемых и т. д. Террористические организации во многом схожи с мафией: нелегальны, располагают силовыми ресурсами, построены на личном доверии. Поэтому они успешно внедряются в те криминальные промыслы, которые типичны для организованной преступности: террористы Латинской Америки тесно связаны с кокаиновым трафиком, террористы Азии — с героиновым, повстанческие группировки Западной Африки — с контрабандой алмазов. Чтобы «отмывать» криминальные доходы, террористические организации, подобно организованным преступным группировкам, создают для прикрытия легальный бизнес (бензоколонки, супермаркеты, транспортные и прочие компании).

В результате внедрения в криминальные промыслы терроризм коммерциализируется и приобретает черты обычной мафии. Если с «идейными» террористами можно искать компромисс, то с мафиозными террористами он принципиально невозможен.

Оценка величины доходов террористических организаций. Величина финансов террористических организаций не поддается точной оценке. Так, мнение, будто размер экономики террора составляет до 1,5 трлн долларов ежегодно (это около 5 % мирового

валового продукта)²⁴, основано на анализе общемировой теневой экономики, которая лишь отчасти связана с терроризмом. Также завышенной выглядит его оценка в 500 млрд долларов, куда включены все виды доходов террористических организаций²⁵.

Более точно оцениваются масштабы финансирования отдельных террористических организаций. Например, в середине 1970-х гг. итальянские «красные бригады» имели ежегодный доход в 8—10 млн долларов²⁶. В современную эпоху он оказался бы мизерным. В 1990-е гг. годовой бюджет движения за национальное освобождение Палестины, имеющего в составе боевую организацию ФАТХ, составлял 8—14 млрд долларов, что превышало ВВП Йемена или Бахрейна²⁷.

Находящиеся на полностью нелегальном положении террористические организации в настоящее время имеют скромные доходы. Например, ФАТХ в 1980-е гг. имел бюджет примерно в 400 млн долларов, колумбийские «наркопартизаны» — 600 млн долларов. На конец 1990-х гг. бюджет Временной Ирландской революционной армии (ИРА) (примерно 500 боевиков) оценивали в 3,5—9,5 млн долларов²⁸, цейлонских «Тигров освобождения Тамил Илама» (примерно 14 тыс. боевиков) — 50—80 млн долларов²⁹. Что касается исламских террористических организаций, то на начало 2000-х гг. бюджет «Аль-Каиды» (1,5—3 тыс. членов) составлял примерно 20—50 млн долларов, «ХАМАС» (1 тыс. членов) — 10 млн долларов, «Хезболлах» —

²⁴ Костюгова В. «Черный шум» и экономика террора (2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nmnby.org/pub/110705/dead.html> (дата обращения: 07.02.2016).

²⁵ Napoleoni L. Money and Terrorism // *Economist*. 2005. January. URL: <http://www.fride.org/eng/Publications/publication.aspx?item=686> (дата обращения: 07.02.2016). По другим оценкам, совокупные расходы в сфере террора составляют ежегодно 5—20 млрд долларов. См.: Долгова А. И. Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними // *Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ним*. М., 2005. С. 7.

²⁶ Sterling C. *The Terror Network, The Secret War of International Terrorism*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1981. 357 p.

²⁷ Napoleoni L. *Op. cit.*; См. также: Хорос В. «Крона», «корни» и «климат» терроризма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 3. С. 48.

²⁸ *Организованная преступность и финансирование терроризма в Северной Ирландии // Борьба с преступностью за рубежом*. 2004. № 2. С. 17.

²⁹ О руководителе террористической организации «Тигры освобождения Тамила» // *Борьба с преступностью за рубежом*. 2000. № 11. С. 32.

50 млн долларов³⁰. Для сравнения можно упомянуть, что ежегодный доход чеченских террористов 2000-х гг. оценивали в 90—270 млн долларов.

По аналогии с региональными моделями экономики существуют и региональные модели финансирования терроризма — латиноамериканская, западноафриканская, западноевропейская, ближневосточная и т. д. Сравнивая их, можно выделить разные уровни зрелости систем финансирования террористических организаций — от сбора средств для подпольных групп (наиболее типичная ситуация) до финансирования мобильных террористических отрядов (ситуация Колумбии, Чечни 2000-х гг.) и организации экономики фактически независимых территориальных образований (Чечня 1990-х гг.).

Экономические потери от терроризма. Оценка экономических потерь от терроризма осуществляется по двум направлениям: потери, наносимые национальной экономике отдельных стран; потери, наносимые отдельным отраслям мирового хозяйства в целом.

Что касается вопросов антитеррористической борьбы, то необходимо проанализировать:

экономическую эффективность террора и антитеррора;
эффективность принципов возмещения ущерба потерпевшим от терактов.

Экономическая эффективность террора и антитеррора. Террор отличается одновременно и очень высокой и очень низкой эффективностью.

Действительно, если сравнивать затраты на теракт и потери от него, то эффективность террора устрашающе велика. Например, теракт 11 сентября 2001 года потребовав примерно 500 тыс. долларов затрат, нанес ущерб США в 100—135 млрд долларов. Взрывы в испанских поездах в марте 2004 года, в результате которых погиб 191 человек, обошлись террористам приблизительно в 10 тыс. долларов. Трагедия на о. Бали в Индонезии в 2002 году, унесшая жизни 202 человек — в 50 тыс. долларов³¹.

Можно привести примеры достижения политических целей от терактов, которые вообще вряд ли измеримы деньгами. С этой

³⁰ Schneider F. The hidden financial flows of Islamic terrorist organisations: Some preliminary results from an economic perspective [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econ.jku.at/Schneider/financeterror.PDF> (дата обращения: 03.01.2016).

³¹ Пинюгин К. Кровавый бизнес корпорации «Терроризм» [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2004/09/07/terroreco/> (дата обращения: 03.01.2016).

точки зрения очень эффективными оказались теракты в Испании 11 марта 2004 года: затратив несколько тысяч долларов, немногочисленная группа исламистских террористов добилась принятия правительством страны решения о выводе испанского военного контингента из Ирака. Можно привести пример терактов 1995 года в п. Буденновске и 1996 года в с. Первомайском, которые привели к выгодному для террористов завершению контртеррористической операции 1994—1996 гг.

Однако с точки зрения отдаленных (стратегических, а не тактических) результатов терроризм пока не доказал свою эффективность.

Единственный очевидный пример успеха действий террористических организаций — это образование Палестинской автономии. Такой успех можно трактовать именно как результат долголетней террористической деятельности палестинцев (но возможны и иные трактовки). Во всех других случаях террористам не удавалось добиться своих декларируемых целей (присоединения Северной Ирландии к Ирландии, независимости Басконии, Курдистана или Чечни, исламизации Алжира и т. д.). Во многих случаях деятельность террористов, напротив, затрудняла реализацию их лозунгов. Такова, в частности, ситуация с исламистским терроризмом, который затрудняет политическую деятельность легальных исламистских партий. Таким образом, террор оказывается либо малоэффективным, либо даже контрпродуктивным.

Поскольку эффективность терроризма для достижения каких-либо политических целей сомнительна, необходимо распространять информацию об успехах альтернативных политических стратегий. Применительно к России это означает, что мерой противодействия террористическому исламу на Кавказе может стать пропаганда успехов мирного ислама в Татарстане и Башкортостане.

Эффективность принципов возмещения ущерба потерпевшим от терактов. Обычно не возникает возражений по поводу компенсаций пострадавшим от терактов. Вопрос лишь в том, кто платит и сколько? Как правило, компенсацию ущерба своим гражданам берет на себя государство. Реже в выплате возмещения ущерба участвует правительство страны, на чьей территории произошел террористический акт, вина за который возлагается на государственные службы, не обеспечившие должную безопасность.

Размер компенсационных выплат также колеблется, и нередко значительно. Все это свидетельствует о том, что, по крайней мере

для нашей страны (и для каждого региона), вопрос решается в каждом случае отдельно и жестких правил пока не существует.

В заключение следует отметить, что проблема радикализма заслуживает глубокого междисциплинарного исследования. В каждом звене обозначенной причинно-следственной цепи «радикализм — экстремизм — терроризм» есть недостаточно изученные аспекты. Попытка представить некоторые промежуточные результаты в данном пособии — всего лишь «введение в тему» для действующих и будущих правоведов.

ЛИТЕРАТУРА

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.

Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма 2009 г.

Международная конвенция по борьбе с финансированием терроризма 1999 г.

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 05.10.2009.

О противодействии терроризму : федер. закон Рос. Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ с изм. и доп.

О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон Рос. Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ с изм. и доп.

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 № 683.

Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму : приказ Генерального прокурора Рос. Федерации от 22.10.2009 № 339.

Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : приказ Генерального прокурора Рос. Федерации от 19.01.2010 № 11.

Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности : приказ Генерального прокурора Рос. Федерации от 19.11.2009 № 362.

О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма : распоряжение Генерального прокурора Рос. Федерации № 270/27Р, МВД России № 1/9789 и ФСБ России № 38 от 16.12.2008.

Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. — Москва : Щит-М, 2001. — 306 с.

Батышев А. С. Российское общество и терроризм: постижение истины / А. С. Батышев, А. А. Батышева. — Москва : Эгвес, 2005. — 191 с.

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. Идеология, этика, психология (вторая пол. XIX—начало XX в.) / О. В. Будницкий. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 399 с.

Василенко В. И. Терроризм как социально-политический феномен / В. И. Василенко. — Москва : РАГС, 2002. — 218 с.

Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / С. У. Дикаев. — Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — 464 с.

Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования / В. П. Емельянов. — Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2002. — 430 с.

Кабанов П. А. Политический терроризм: криминологическая характеристика и меры сдерживания / П. А. Кабанов. — Нижнекамск : НКФ МГЭИ, 1998. — 40 с.

Коновалов А. М. Глобальное измерение терроризма / А. М. Коновалов, А. И. Ангуло Ландабасо. — Москва : ОГНИ ТД, 2004. — 137 с. — (Доклады Института Европы / Рос. акад. наук ; № 140).

Кудрявцев В. Н. Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. — Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2002. — 385 с.

Ланцов С. А. Террор и террористы : словарь / С. А. Ланцов. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004. — 184 с.

Латов Ю. В. Экономический анализ современного терроризма : учеб. пособие для вузов / Ю. В. Латов. — Москва : Акад. управления МВД России, 2007. — 88 с.

Лутфуллин Р. Р. Государственно-правовой механизм репрессий тоталитарного режима в СССР (1929—1953 годы) / Р. Р. Лутфуллин // Следователь. — 2002. — № 3. — С. 43—52.

Ляхов Е. Г. Международные институциональные контртеррористические системы / Е. Г. Ляхов. — Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. — 230 с.

Миньковский Г. М. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним / Г. М. Миньковский, В. П. Ревин // Государство и право. — 1997. — № 8. — С. 12—22.

Моджорян Л. А. Терроризм и национально-освободительные движения / Л. А. Моджорян // Государство и право. — 1998. — № 3. — С. 82—87.

Морозов И. Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики / И. Л. Морозов // Полис. — 1998. — № 3. — С. 47—54.

Ольшанский Д. В. Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 288 с.

Петрищев В. Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом / В. Е. Петрищев // Государство и право. — 1998. — № 3. — С. 88—93.

Салимов К. Н. Современные проблемы терроризма / К. Н. Салимов. — Москва : Щит, 1999. — 216 с.

Социальное согласие против правого экстремизма : [сб.ст.] / отв. ред. Л. Я. Дадиани, Г. М. Денисовский ; Ин-т социологии РАН. — Москва : ИС РАН, 2005. — Вып. № 3—4. — 112 с.

Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом : [сб. ст.] / сост. Л. В. Брятова ; Ин-т социологии РАН. — Москва : ИС РАН, 2002. — 163 с.

Терроризм: психологические корни и правовые оценки : «Круглый стол» // Государство и право. — 1994. — № 4. — С. 42—76.

Шахов М. Н. Теоретические проблемы современного терроризма / М. Н. Шахов. — Москва : ИБПИТ, 2003. — 277 с.

Alchemists of Revolution: Terrorism in the Modern World / ed. by R. E. Rubenstein. — N.Y. : Basic Books, 1987. — 266 p.

Alexander Y. Europe's red terrorists: the Fighting Communist Organizations / Y. Alexander, D. Pluchinsky. — L. : Routledge & Kegan Paul, 1992. — 278 p.

Combs C. C. Terrorism in the Twenty First Century / C. C. Combs. — Upper Saddle River ; NJ : Prentice Hall, 2003. — 305 p.

Cooley J. K. Unholy wars. Afghanistan, America and International Terrorism / J. K. Cooley. — N.Y. : University Press, 2000. — 290 p.

Encyclopedia of Terrorism / ed. C. Combs and M. Slann. — N.Y. : Facts on File, 2002. — 504 p.

Extremism in America / ed. L. T. Sargent. — N.Y. : University Press, 1995. — 208 p.

Harmon Ch. C. Terrorism today / Ch. C. Harmon. — L. ; Portland, Or. : Dekker, 2001. — 418 p.

Inside Terrorist Organizations / ed. by D. C. Rapoport. — L. ; Portland, Or. : Dekker, 2001. — 356 p.

Lutz J. M. Global Terrorism / J. M. Lutz, B. J. Lutz. — N.Y. : Facts on File, 2004. — 270 p.

Neumann M. What's Left? : radical politics and the radical psyche / M. Neumann. — Peterborough (Canada) ; Lewiston (N.Y.) : Broadview press, 1988. — 230 p.

Oschlies W. Right-wing Radicalism in Post-communist Eastern Europe / W. Oschlies. // Bericht des BIOst. Nr. 29/1992. — Summary. — 38 p.

Robinson A. Bin Laden. Behind the mask of the terrorist / A. Robinson. — N.Y. : Facts on File, 2001. — 132 p.

Schmidt A. P. Political Terrorism: a Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature / A. P. Schmidt. — New Brunswick, CT : Transaction, 1983. — 148 p.

Stern J. The Ultimate Terrorists / J. Stern. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999. — 240 p.

Terrorism Almanac (1). — N.Y. : Praeger, 2004. — 162 p. — (Terrorism Reference Library).

Terrorism Biographies (2). — N.Y. : Praeger, 2004. — 168 p. — (Terrorism Reference Library).

Terrorism Primary Sources (3). — N.Y. : Praeger, 2004. — 145 p. — (Terrorism Reference Library).

Terrorists, Victims and Society / ed. by A. Silke. — L. : Routledge & Kegan Paul, 2003. — 232 p.

White J. R. Terrorism : An Introduction / J. R. White. — Belmont, CA : West ; Wadsworth Publishers, 1998. — 320 p.

Whittaker D. J. Terrorists and Terrorism in the contemporary world / D. J. Whittaker. — L. ; N.Y. : Routledge, 2004. — 172 p.

Wilkinson P. Political Terrorism / P. Wilkinson. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1974. — 243 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. Философские основания радикализма	7
2. Политическая практика радикалов	12
3. Радикализм, экстремизм, терроризм: от теории к методам	15
4. Психологический портрет радикала	18
5. Терроризм: политический и правовой аспекты	24
6. Экономические основания экстремизма и терроризма.....	30
Литература.....	44

Учебное издание

Игорь Николаевич ЛОПУШАНСКИЙ,
кандидат исторических наук, доцент

**РАДИКАЛИЗМ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Учебное пособие для магистратуры

2-е изд., перераб. и доп.

Редактор *О. А. Хропина*
Корректор *Е. А. Меклиш*
Компьютерная верстка *Т. И. Павловой*

Подписано в печать 28.04.2016. Формат 60х90/16.
Печ. л. 3,0. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—85).
Заказ 2247.

Редакционно-издательская лаборатория
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44